

А.А.Чувакин (Барнаул)

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК "ТВОРЧЕСТВО В.М.ШУКШИНА": ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Идея создания энциклопедического словаря-справочника "Творчество В.М.Шукшина" (далее: ЭСС) возникла на заседании регионального Шукшинского семинара (филологический факультет Алтайского государственного университета, г.Барнаул. Ноябрь 1994 года) при подведении итогов III Всероссийской научно-практической конференции "В.М.Шукшин. Жизнь и творчество" (г.Барнаул, октябрь 1994 года).

Участники заседания исходили из того, что творчество В.М.Шукшина сохраняет свою уникальность и актуальность в современной культуре: оно наиболее точно и глубоко воспроизводит момент идейно-художественного преобразования отечественной культуры и литературы 1950-1970-х гг. Особый дар Шукшина, соединившего в себе писателя, режиссера и актера, позволил ему широко реализовать в своем творчестве новые художественные тенденции. Творчество Шукшина преодолело языковые барьеры на пути к зарубежному читателю, вошло в фонд общечеловеческих ценностей. Существенное место творчества Шукшина в культурном процессе недалекого прошлого и настоящего стимулирует интерес к нему со стороны как исследователей - филологов, философов, культурологов, историков и др., так и читателей и почитателей его таланта в России и зарубежье. В настоящее время возрастает значимость творчества Шукшина в контексте поиска путей обновления России, развития национального самосознания, осмысления менталитета россиянина, а также в русле совершенствования преподавания русской филологии в высшей и средней школе в нашей стране и за рубежом. Недаром С.Залыгин назвал Шукшина провидцем, поставив его в один ряд с Платоновым: "Правду сказать, я нынче больше всего поражаюсь не одному, а двум провидцам: Шукшину, но более всего - Платонову"/1/.

Идея подобного издания была поддержана научной общественностью и объединила ученых-гуманитариев, работающих в Алтайском университете, других вузах и научно-исследовательских учреждениях России и зарубежья; проект имел финансирование по гранту Российского гуманитарного научного фонда (в 1996-1998 гг, проект № 96-04-06090).

1995 год начался публикацией проспекта "Творчество В.М.Шукшина. Энциклопедический словарь-справочник. Проспект" (под ред. А.А.Чувакина. Барнаул, 1995. /Далее: Проспект ЭСС или Проспект/), который затем был обсужден на Шукшинском семинаре /2/. За период с 1995 года был сделан ряд теоретических и предварительных лексикографических публикаций, издано несколько сборников статей и монографий /3/. К 2001 году в основном завершена авторская работа над рукописью.

При работе над ЭСС пришлось решать не только конкретные шукшиноведческие задачи, но и задачи теоретического характера. Дело в том, что опыт писательской лексикографии у нас в стране невелик. Основные издания можно просто перечислить (это Лермонтовская и Пушкинская энциклопедии, изданные в Челябинске материалы о Достоевском и нек.др.).

Далее будет рассмотрен ряд ключевых проблем, которые возникли при подготовке ЭСС, а также принятые исследовательским коллективом решения. Имею в виду следующие проблемы: 1) предмет энциклопедического описания, его целевая установка и адресат; 2) исследовательский подход творчеству Шукшина и его энциклопедическому; 3) внутреннее устройство словаря.

1

Энциклопедический характер издания предопределяет, что оно будет содержать в систематизированном виде краткие сведения о творчестве Шукшина. Если различать объект и предмет энциклопедического описания, то можно утверждать, что объектом является творчество Шукшина, результаты которого зафиксированы во всей совокупности текстов творчества, а предметом - литературно-художественное творчество, представленное соответственно в литературно-художественных текстах. При отсутствии полного собрания сочинений Шукшина было признано, что источником опубликованных текстов явится издание произведений писателя, осуществленное под редакцией В.Ф.Горна (Барнаул, 1986-1991). Что касается публицистики, кинематографа и театра Шукшина, то эти стороны его творчества будут присутствовать в ЭСС лишь в их отношении к творчеству литературно-художественному. Такое решение объясняется и степенью изученности разных сторон творчества Шукшина - писателя, публициста, актера, режиссера, и уровнем доступности результатов творчества, и значимостью литературно-художественного творчества Шукшина и, не буду скрывать, научными интересами и возможностями исследовательского коллектива. Вместе с тем для ЭСС важна информация о филологическом шукшиноведении.

Теперь об адресате издания. Признано, что оно рассчитано прежде всего на гуманитарно образованных читателей - преподавателей-филологов высшей и средней школы разных уровней и типов, научных работников, студентов и учащихся старших классов, работников культуры, журналистов и др. Вместе с тем издание может быть полезно также любому отечественному и зарубежному читателю.

Проблема адресата издания заняла в наших размышлениях и при обсуждении Проспекта едва ли не первое место. Высказывалось мнение о широком читателе как адресате ЭСС (П.В.Забелин, Иркутск, и др.). Естественно, что такая смена адресата потребовала бы превращения издания в научно-популярное или привела бы к упрощенчеству. Идея трансформации адресата не была поддержана при обсуждении Проспекта. Так, В.К.Васильев (Красноярск) подчеркнул, что при описании творчества, например, Достоевского признаётся невозможность упрощения; творчество Шукшина - никак не проще творчества Достоевского! В то же время все участники обсуждения подчеркнули, что издание должно быть доступным для читателя. Мы убеждены, что доступность ЭСС может быть обеспечена многими средствами, в том числе, например, следующими: помещением в пристатейных списках литературы источников общетеоретического характера, в которых читатель найдет информацию о языке описания, важнейших исследований о творчестве Шукшина с тем, чтобы определенные категории читателей могли погрузиться в проблему с необходимой степенью глубины; перечислением (и при необходимости краткой характеристикой) основных

направлений исследования описываемых явлений; выбором общепринятого понимания предметной области в качестве основы представления явления в ЭСС. Бесспорно, авторы стремятся избежать узко специальных терминов, фиксации внимания читателей на вопросах научной полемики, обоснования принимаемой точки зрения; словарные статьи будут содержать иллюстративный материал.

2

Один из ключевых вопросов, от решения которого зависит облик издания, - это вопрос об общем взгляде членов авторского коллектива на творчество Шукшина и характер его энциклопедического описания. Мы обозначаем эту проблему словом подход.

На фоне, так сказать, ведомственного изучения творчества Шукшина в 70-ые гг - критиками, литературоведами, лингвистами, философами и другими специалистами - в аспекте проблематики (социально-нравственной прежде всего) отдельных произведений или творчества в целом, разговорности языка писателя, определения его (писателя) места среди деревенщиков или причисления к самородкам, 80-ые гг с их вниманием к шукшинскому слову создали предпосылку для складывания комплексного, филологического подхода к исследованию творчества Шукшина.

Дело вот в чем.

Последняя четверть XX века - это время, когда в филологии, сохраняющей в качестве своей исходной реальности "текст во всей совокупности своих внутренних аспектов и внешних связей"/4/, происходит смена угла зрения на текст. В основе процесса лежит одна из самых сильных связей текста - с коммуникативной деятельностью homo loquens как двуединством Говорящий-Слушающий. Появляется феномен, квалифицированный П.Рикером как конфликт интерпретаций, идет обогащение филологического инструментария за счет теоретикодеятельностного, антропологического, семиотического, герменевтического, риторического инструментариев. Сам homo loquens осознается как все более сложное, многофункциональное, внутренне противоречивое единство, не только производитель текстов, но и их потребитель, отличающийся стремлением к пониманию "чужих" смыслов и сокрытию "своих". Все это создает предпосылки для исследования текстов в процессе их жизнедеятельности, представляющими как текущие, бесконечные, неисчерпаемые /5/.

Базирующийся на этой основе филологический подход к литературно-художественному творчеству Шукшина выдвигает в центр исследования тексты творчества писателя в их отношении к двуединству Говорящий-Слушающий.

Автор как Говорящий здесь оказывается значимым во всем богатстве проявлений его творческой личности: рациональным-иррациональным, сознательным - бессознательным, содидательным - разрушающим, целесообразным - волевым, логическим - эмоциональным и др. Личность Шукшина, по мнению С.П.Залыгина, - это "слиянность самых разных качеств и дарований не только в целом, но и в нечто очень определенное, вполне законченное. ...Мы видим щедрый дар природы и необыкновенную личность

личностью, а не набором качеств и способностей, видим, что эта личность меньше всего заботилась о себе, о том, чтобы проводить в себе самой грани: вот я - актер, а вот я - писатель, я - режиссер, я - сценарист" /6/.

В позиции Слушающего в нашем случае находится филолог-исследователь (*филологически образованный читатель*). Данная постановка вытекает, например, из толкования филологии как искусства чтения, а филолога как мастера чтения /7/. "Филолог не "буквояд" и не "гробкопатель", а просто - л у ч ш и й и з ч и т а т е л е й: лучший комментатор и критик" /8/.

Такое понимание Слушающего во многом объясняет различия в осмыслении и истолковании творчества Говорящего или отдельных его текстов и, самое главное, "узаконивает" различия интерпретаций и их многообразие. К текстам литературно-художественного творчества Шукшина - текстам *мастера*, при рассмотрении в русле филологического подхода, могут быть приложимы оценки как действительных генераторов смыслов /9/, потенциала смысловой бесконечности /10/. Представляется филологически мотивированной трактовка их, как и творчества Шукшина в целом, не как носителей совокупности готовых ответов на вечные вопросы человеческого бытия, а как *поиска ответов* на подобные вопросы, а иногда и *поиска* самих *вопросов*. Так переносится акцент с вопроса "что хотел сказать автор?" на вопрос "что сказал автор в тексте?" или, еще корректнее, на вопрос "какой смысл я, Читатель, усматриваю в данном тексте (в совокупности текстов) данного Автора?" Смыслы текстов творчества Шукшина *ad hoc* - это смыслы, которые *могут быть* усмотрены глазами филологически образованного читателя в конце XX- начале XXI вв и которые вполне могут отличаться от смыслов, усмотренных другими читателями нашего и тем более другого времени. (От факта различий в среде филологически образованных читателей мы здесь отвлекаемся: речь идет о филологически образованном читателе как позиции.) Кажется, и сам Шукшин предусматривал возможность разных истолкований его произведений. См.: "Ведь нельзя, наверное, писать, если не иметь в виду, что читатель сам "досочинит" многое". Он выдвигал критерий "неодноразового прочтения" в качестве критерия "настоящей литературы" /11/.

Филологический подход предполагает *движение* исследования от частичного - только литературоведческого или только лингвистического - к целостному. Это целостное проявляется на основе координации усилий и результатов научного анализа в рамках разных дисциплин (не только собственно филологических) и методик, корректировки и интеграции этих результатов на принципах взаимодополнения, взаимообогащения, взаиморазвития. Успех координации во многом зависит от выбранной "исходной клеточки" частичных исследований (в случае исследования литературно-художественного творчества Шукшина это *слово*.

См./12/) и от общего представления о том целом, к нахождению и раскрытию которого стремятся исследователя (см.: /13/).

Обратимся далее к другой составляющей подхода - к характеру описания творчества Шукшина в ЭСС: "как показать Шукшина и его время: в свете "прожекторов" социально-политических оценок или через "волшебный кристалл", открывающий приметы неостановимого, созидательного движения народной жизни во всех ее проявлениях, где социально-политическое - лишь часть, к тому же не главная часть жизни" (В.К.Сигов, Москва). Данный вопрос - о концепции

подачи материалов в ЭСС. При обсуждении Проспекта были выдвинуты два подхода к его решению. Сущность первого сформулирована уже упомянутым В.К.Сиговым: "Стоит ли "вчитывать" в тексты Шукшина расхожие (в 1998-1991 гг) оценки времен "застоя", когда он (Шукшин. - А.Ч.) писал?" Как видно из замечаний автора, он выступает за рассмотрение творчества Шукшина в контексте времени его жизни и творчества. Вопрос, поднятый В.К.Сиговым, действительно весьма серьезный, а предложенное им решение небезосновательно. В самом деле, Шукшин во многом разный с точки зрения времени своего и времени нашего: отрезок в 25 лет, прошедший после его смерти, насыщен многими социально-политическими, экономическими переменами, переменами в сознании, сложным развитием филологии в ее взаимодействиях с герменевтикой, семиотикой и другими гуманитарными науками, сменились представления филологии о своем объекте и своем методе. Наконец изменились и сами филологи. Может ли быть не учтены эти обстоятельства в процессе представления творчества писателя в энциклопедическом словаре-справочнике? Думается, нет, не могут. Но также очевидно, что творчество Шукшина не может быть изолировано от периода 50-70-х гг, "перенесено" в период рубежа XX-XXI века, так сказать, без остатка (Т.Г.Плохотнюк, Томск). Принцип энциклопедической подачи материала, как мы его понимаем, предполагает представление творчества писателя в его видении и критикой, и прижизненным литературоведением, философией, лингвистикой, и наукой последних десятилетий. Из этого соображения и родилась мысль о представлении творчества Шукшина в ЭСС глазами филологически образованного читателя. В таком решении нас поддержало и следующее суждение проф. Б.А.Ларина, высказанное им еще в 1922 году: "В исторической традиции можно утопить любое литературное явление. ...Эстетическое исследование будет менее предвзятым.

И авторский стиль можно будет определить только на основе эстетики языка, как вышивают по канве узоры" /14/.

Предложенные решения определяют основное содержание ЭСС. Его составят словарные статьи, которые тематически объединяются в три блока.

Первый блок составят статьи, содержащие описание всех опубликованных литературно-художественных произведений Шукшина. В этих статьях читатель найдет сведения о жанре, истории написания и прижизненных публикациях, проблематике, художественном мире произведения, а также оценку критики и исследовательскую историю произведения. Словник статей этого блока включает наименования всех опубликованных литературно-художественных произведений.

Во второй блок войдут статьи проблемно-аналитического характера, рассматривающие разные стороны литературно-художественного творчества Шукшина: проблематику и вопросы мировоззрения, поэтику, символы, мотивы и образы, язык, интертекст произведений писателя. Словарные статьи этого блока составляют четыре раздела. Приведу эти разделы (перечни словарных статей даются в иллюстративных целях).

Мировоззрение В.М.Шукшина. Проблематика творчества (веры проблемы, духовности проблемы, искусства проблемы, мировоззрение, нравственности проблемы, творчества проблемы, философская позиция, человека проблемы)

Поэтика художественной прозы (творческого метода проблемы, поэтика, жанры прозы, сборники рассказов, театр, кинематограф, стиль, текст, художественный мир, трагическое, сатира, сюжет, характеры, пейзаж, публицистика)

Язык прозы (фонетический уровень, лексический уровень, диалектная лексика, имя персонажа, фразеология, синтаксис, диалог, несобственно-прямая речь, художественно-речевая структура проза. Художественно-речевая структура кинопрозы)

Художественная проза в интертекстуальном аспекте (Белинский В.Г., Горький А.М., Достоевский Ф.М., интертекстуальность, Короленко В.Г., Некрасов Н.А., "Новый мир", Пушкин А.С., Солженицын А.И., Успенский Г.И., Шукшин и древнерусская литература, Шолохов М.А.).

В третий блок включаются статьи, представляющие шукшиноведение как формирующуюся отрасль филологии (издательская, библиографическая, переводческая и научная история произведений Шукшина). В этот же блок включены и статьи об изучении творчества Шукшина в средней и высшей школе. Примеры словарных статей третьего блока: библиографическое изучение творчества Шукшина, издание произведений Шукшина, изучение произведений Шукшина, изучение творчества Шукшина в высшей и средней школе, переводы произведений Шукшина, творчество Шукшина за рубежом и др.

3

Центром ЭСС станет его алфавитная часть, включающая словарные статьи.

Между статьями, входящими в блок (раздел), возможны разные отношения. Прежде всего отметим отношения равноправные. В такого рода отношениях находятся, например, статьи раздела "Язык прозы", посвященные уровневому описанию языка прозы, статьи, представляющие композиционно-речевые формы художественных текстов. В каждом блоке (разделе) имеют место и статьи обобщающего характера, по отношению к которым другие являются описанием конкретных явлений. Примером в данном случае может служить статья "Художественно-речевая структура прозы", рассматриваемая в ее отношении к статьям о композиционно-речевых формах.

Место статьи в блоке (разделе) определяет ее объем: статьи обобщающего характера составляют, как правило, 4-6 страниц машинописного текст, другие - 0,5-3 страницы.

Статьи, входящие в один блок, тяготеют к общей для них структуре. Так, выработана следующая структура статей первого блока (автор-составитель структуры - С.М.Козлова): заголовочное слово; жанр произведения; история написания и прижизненные публикации; проблематика; художественный мир произведения: сюжет, характеры, поэтика, язык; первая оценка критикой; основные направления изучения; библиография. Статьи второго блока, описывающие явления языка прозы Шукшина имеют следующую структуру (автор-составитель структуры - А.А.Чувакин): заголовочное слово; общие

сведения о явлении: его место в языке Шукшина, основные направления изучения в лингвистическом шукшиноведении; характеристика явления через указание на отношение к "общей" коммуникации; типы, виды, способы преобразования в языке Шукшина; способы введения в тексты писателя; функционально-семантическая характеристика явления; библиография.

В качестве иллюстрации приведем фрагмент словарной статьи "Синтаксический уровень языка прозы Шукшина", посвященный общей характеристике синтаксиса писателя и простому предложению (вопросы сложного предложения и абзаца остаются за пределами сделанных нами извлечений) /15/.

Алфавитной части словаря-справочника будут предшествовать обращение к читателю, информация о том, как пользоваться книгой, список основных сокращений, вступительная статья "Феномен творчества Василия Шукшина".

Большое значение мы придаем приложению. В его состав войдут следующие материалы: летопись жизни и творчества В.М.Шукшина; список основной литературы о творчестве В.М.Шукшина; словарь диалектизмов по произведениям Шукшина; фрагменты словаря символов в художественной прозе Шукшина; тематический и алфавитный указатели.

Если обратиться к рассматриваемому проекту в целом, то можно утверждать, что содержание и структура ЭСС определяются, пожалуй, тремя главными моментами: 1) уровнем разработки проблемы творчества и пониманием специфики творческой личности Шукшина; 2) наличным запасом знаний о творчестве Шукшина. Вполне понятно, что разные грани и тексты литературно-художественного творчества писателя исследованы неравномерно, с разных позиций. Эта ситуация не может не сказаться на составе словника и содержании словарных статей, на соотношении так называемых общепринятых и индивидуально-авторских точек зрения; 3) современным осмыслением феномена литературно-художественного творчества Шукшина на основе разработанного научным коллективом комплексного, филологического подхода к исследованию творчества писателя как целостности. Представляется, что реализация названных положений позволит избежать "наивного филологического реализма" и "вольных размышлений и измышлений", оторванных от "живой ткани художественного языка и от структуры художественных произведений", об опасности чего предупреждал еще акад. В.В.Виноградов /16/.

Литература и примечания:

Залыгин С.П. Трифонов, Шукшин и мы // Новый мир. 1991. №11. С.227.

Протоколы заседаний Шукшинского семинара и письма, присланные в Алтайский государственный университет в связи с обсуждением Проспекта, хранятся в научно-исследовательском центре-музее В.М.Шукшина при университете.

См., например: Энциклопедический словарь-справочник "Творчество В.М.Шукшина: Подготовительные материалы. Барнаул, 1996; Проза В.М.Шукшина как лингвокультурный феномен 60-70-х годов. Барнаул, 1997;

Творчество В.М.Шукшина: Метод. Поэтика. Стиль. Барнаул, 1997; Творчество В.М.Шукшина: Опыт энциклопедического словаря-справочника. Барнаул, 1997; Куляпин А.И., Левашова О.Г. В.М.Шукшин и русская классика. Барнаул, 1998; Творчество В.М.Шукшина как целостность. Барнаул, 1998; Творчество В.М.Шукшина в современном мире: Эстетика. Диалог культур, Поэтика. Интерпретация. Барнаул, 1999; "...Горикий, мучительный талант". Барнаул, 2000; Куляпин А.И. Проблемы творческой эволюции В.М.Шукшина. Барнаул, 2000; Язык прозы В.М.Шукшина: Теория. Наблюдения. Лексикографическое описание. Барнаул, 2001.

Аверинцев С.С. Филология // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979. С.372.

Более подробно см.: Чувакин А.А. Заметки об объекте современной филологии // Человек. Коммуникация. Текст. Барнаул, 2000. Вып.3.

Залыгин С.П. Герой в кирзовых сапогах // Шукшинские чтения. Барнаул, 1989. Вып.2. С. 11.

Винокур Г.О. Введение в изучение филологических наук // Проблемы структурной лингвистики. 1978. М., 1981. С.39.

Винокур Г.О. Культура языка. М., 1925. С.215.

Лотман Ю.М. К современному пониманию текста // Исследования по общему и сопоставительному языкознанию. Lingvistika. Тарту, 1986. С.105.

Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. М., 1996. С.346.

Шукшин В.М. Я пришел дать вам волю. Роман. Публицистика. Барнаул, 1991. С.450.

См. об этом: Драгомирецкая Н.В. Слово героя как принцип организации стилевого целого // Многообразие стилей советской литературы. Вопросы типологии. М., 1978; Козлова С.М. Поэтика рассказов В.М.Шукшина. Барнаул, 1993.

Более подробно см.: Кофанова Е.В., Кощей Л.А. Чувакин А.А. Творчество В.М.Шукшина как функционирующая целостность: проблемы, поиски, решения. Вместо предисловия // Творчество В.М.Шукшина как целостность. Барнаул, 1998.

Ларин Б.А. О разновидностях художественной речи (Семантические этюды) // Хрестоматия по стилистике художественной речи. Барнаул, 1998. С.115.

Полный текст статьи см.: Творчество В.М.Шукшина в современном мире: Эстетика. Диалог культур. Поэтика. Интерпретация. Барнаул, 1999. С.135-139.

Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971. С.30.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Синтаксический уровень языка прозы Ш. Синтаксис прозы Ш. питается разнообразными в рече-стилевом и стилистическом отношении источниками: от

просторечного до книжного, оставляя в стороне художественно неперспективные элементы (напр., отмеченные О.А.Лаптевой конструкции наложения: И потом что-нибудь с собой возьми поесть надо приготовить обязательно). Главному требованию Ш. к языку литературы: чтобы в нем сохранился "живой русский язык" (Проблема языка, 1967) - в полной мере отвечает проза самого Ш. во многом благодаря ее синтаксическому облику. В этом отношении синтаксис прозы Ш. развивает традиции синтаксиса пушкинской прозы, художественно синтезировавшего живые формы национально-языковой культуры, сближенного автором с конструкциями живой разговорной речи (В.В.Виноградов).

Преобладание простого предложения над сложным, глагольного над именным (так, в авторской речи цикла "Земляки" число простых предложений превышает число сложных в четыре раза, а число глагольных - число именных в пять раз), короткого над длинным (см. об этом ниже), отображение в текстах интонационной устроенности высказывания (в речи персонажей романа "Я пришел дать вам волю", по данным Б.Ф.Игнатова, ведущее место занимают высказывания с интонацией незавершенности) - вот лишь некоторые из формально-синтаксических средств, воспроизводящих в прозе Ш. синтаксис "живой" речи и выпукло, объемно, лаконично представляющих модели минимальных ситуаций действительности, которые обозначены предложениями, - компонентов ситуаций сюжетных. См.: Макар дохромал до оконного косяка. За окном в этот момент грохнул выстрел, и среднее стекло брызнуло по избе звонким дождем. Почти одновременно с этим в сенях загремело ружье Егора. На улице кто-то коротко застонал и смолк (Любавины).

Тексты прозы Ш. синтаксически устроены на основе действия противоречивых тенденций: с одной стороны, это внешняя несвязность синтаксических компонентов разных уровней ("чужой" речи и авторских ремарок; абзацев; простых предложений - частей сложных и частей текстовых фрагментов и др.), а с другой, - их тесная спаянность (неполные и усеченные предложения и название "опущенного" члена предложения; оценочное предложение и имя объекта оценки; "междометное" предложение и обозначение ситуации - его стимула и др.). Действие этих тенденций делает прозу Ш. внешне легко обозримой и легко членимой, "простой" и лаконичной, но внутренне, по смыслу, плотной и сложной - с потенциально многообразными направлениями и линиями смысловых отношений, полной намеков. См.: Свояки закурили. - На сколь? - спросил Андрей. - У нас отпуск большой /.../ (Свояк Сергей Сергеевич). Незазванный компонент предложения первой реплики диалога - субъектно-подлежащий: свояк - в своем лексическом наполнении присутствует в непосредственной препозиции по отношению к диалогу, но за пределами авторской ремарки - в несобственно-авторской речи, отражая "точку зрения" Андрея Корчуганова (Сергей Сергеевич - его свояк) и повествователя (см. название рассказа и фрагмент первого абзаца: /.../Сергей Сергеевич, так он представился, смуглый, курносый, с круглыми, бутылочного цвета глазами).

На этом фоне происходит столкновение синтаксических и - шире - языковых явлений различных семантико-стилистических качеств, что находится в русле сочетания "высокого" и "низкого", "духа" и "быта", составляющего, по Е.Вертлибу, доминанту стиля Ш. (Вертлиб Е. В.Ш. и русское духовное возрождение. New York, 1990. С.126). См., напр., составной монолог Глеба Капустина "Да мы уж полсушали!", выдержанный в традициях ораторского синтаксиса, но включающий в себя широкий спектр лексики (элементы

просторечия, делового языка и др.), не соответствующий коммуникативному жанру, что приближает Глеба к автору и одновременно удаляет то последнего (Срезал).

Синтаксис прозы Ш., как и синтаксис пушкинской прозы, является "...организационным центром, управляющим движением словесной стихии в повествовательном стиле" (Виноградов В.В. Избр.тр.: О языке худож. прозы. М., 1980. С.226): именно синтаксическими способами и средствами создается субъективация прозы как фактор, который определяет "все" и "вся" в ее словесно-художественной структуре, открывает структуру навстречу читателю (диалогичность). Если стиль Ш.-публициста субъективирован прежде всего в силу насыщенности текста Я-предложениями (Ефанова Л.П. Имплицитная оценочность в публицистике В.М.Ш. // Творчество В.М.Ш. как целостность. Барнаул, 1998. С.109-110), то в стиле художественной прозы "сосуществуют" разные способы субъективации - как открытые (в сказе), так и скрытые, косвенные: посредством вставки (В.А.Глухова), оценочных предложений (В.П.Проничев) и предикатов (Л.Г.Бабенко), частиц (И.А.Нагорный) и др.

Фрагментарная изученность синтаксиса прозы Ш. позволяет ниже рассмотреть некоторые явления простого и сложного предложений (отчасти - и абзаца) в речи повествователя и персонажей на материале преимущественно рассказов. *А.А. Чувакин*

Простое предложение в прозе Ш.. восходящее к народной языковой стихии, художественно многослойно и многофункционально главным образом за счет двух качеств - разговорности и диалогичности.

Преобладая в речи персонажей, простое предложение отличается структурным и функциональным многообразием, принадлежащим стилистическому полю разговорности. Это собственно-вопросительные и вопросительно-риторические, побудительные разнообразной прагматической направленности (совет, просьба, приказание, пожелание и др.), односоставные, вокативные, "междометные", эллиптические, незаконченные, прерванные и др. Синтаксические единицы такого рода отличатся особой экспрессивностью в передаче эмоционального состояния героя: - Иди найди! Иди хоть пятак найди так-то. На что же бы я жил так-то три дня? (Версия); - Где у тебя язык? Ну-ка покажи язык!.. Ведь он у тебя... (Артист Федор Грай) ; выполняют характерологическую функцию, выражая оценку или самооценку персонажа: Он /Аркашка/ тоже взял себе "портвяшку" /.../, сел за столик по соседству с плотниками, прислушался к их разговору... И сказал громко: - Хмыри! - Плотники замолчали. Посмотрели на Аркашку. - Трепачи, - еще сказал Аркашка /.../ (Танцующий Шива).

Простое предложение в речи персонажа адресовано, как правило, другим персонажам. Эта адресованность может реализоваться в диалоге, напр.: - Дай роман-то почитать, - говорит Серега. - Пошел ты...- Боишься критики? - Только не твоей. - Я ж читатель. - Ты читатель?! Ты робот, а не читатель. Ты хоть одну художественную книгу дочитал до конца? /.../ (Воскресная тоска); или в неречевом поведении партнера: - Поехали, - сказал Антипов шоферу. - "Победа" плавно тронулась с места и, переваливаясь на кочках, как гусыня, поплыла по улице (Коленчатые валы). Возможно развитие диалога непонимания: - Ну, как - ничего? - Что - ничего? - не понял Сашка /.../ - Забыл? - Что я зыбыл? Я вчера на работе был! - Да? И сколько плотют за такую работу? На работе он был! (Обида).

Но в любом случае простое предложение - реплика диалога не только средство изображения персонажа, но и нарративное средство (принцип драматической поэтики прозы Ш.).

В авторском повествовании простое предложение носит, как правило, повествовательный характер, выполняет функцию "рассказывания" о действиях, потсупках героев, вводит в обстановку события: Минька учился в Москве на артиста (И разыгрались же кони в поле); Готовились к межрайонному смотру художественной самодеятельности (Артист Федор Грай). Поэтому среди простых предложений выделяются прежде всего предложения со значением действия, движения, бытийные, в смысловой структуре которых преобладают обязательно распространяющие компоненты - со значением субъекта, объекта, места, времени: Кондрат ездил на курорт и по пути завернул к сыну (И разыгрались же кони в поле); Все он тут знал (В профиль и анфас); Колька сел на крыльцо, потыкал концом ногтя в землю... (Нечаянный выстрел).

При воспроизведении ситуации эмоционально окрашенные, прерванные. Незаконченные предложения передают эмоциональное состояние и отношение повествователя, персонажа или совокупное: Колька ставит гармонь на скамейку... хватит! (Жена мужа в Париж провожала); Спирька сам удивился своей легкости, ловкости. Сам себя не слышал. Нащупал дверь горницы, тоже приподнял ее снизу... Дверь скрипнула. Спирька быстро, бережно прикрыл ее за собой. Он был в горнице! (Сураз).

Прагмоворность простого предложения в речевом слое повествователя служит источником полифонизма, то есть сложного соотношения речевых планов повествователя и героя, приводящего к диалогу и голосов, и "точек зрения" в рамках одного предложения. Смена речевых планов, "точек зрения" чаще всего осуществляется за счет лексического или синтаксического компонента: Рядом сидел ее ребенок. Виноватый. Беспомощный (Материнское сердце). В композиционном плане высказывание принадлежит повествователю, но сигналом "мены "точек зрения" выступает лексема "ребенок", явно принадлежащая речевой линии матери, ведь только она (мать) способна увидеть во взрослом человеке ребенка. Еще пример: Тут в чайную пришел Аркаша Кебин, по прозвищу Таецующий Шива (Танцующий Шива). Мена речевых линий, "точек зрения" в данном предложении происходит за счет распространенного приложения, несущего коллективную "точку зрения": люди дали ему другое имя. *Г.В.Кужуева*.

Литература: Арчакова Х.П. Авторская оценка содержания высказывания и ее семантико-синтаксическая функция в рассказах В.М.Ш. // Творчество В.М.Ш.: Метод. Поэтика. Стил. Барнаул, 1997; ее же. Коммуникативная роль авторизованного способа подачи информации в рассказах В.М.Ш. // Человек. Коммуникация. Текст. Барнаул, 1997. Вып.1; ее же. Способы структурирования имплицитной семантики в текстах В.М.Ш. // "...Горкий, мучительный талант". Барнаул, 2000; Бабенко Л.Г. Обозначение эмоций в языке и речи. Свердловск, 1986; Болгова М.А. Бессоюзные сложные предложения в рассказе В.М.Ш. "Волки" // Язык и стил прозы В.М.Ш. Барнаул, 1991; Глухова В.А. Вставные конструкции в рассказах В.М.Ш. // Там же; Горн В.Ф. Живой язык В.Ш. // Русская речь. 1977. №2; Кожевникова Н.А. О соотношении речи автора и персонажа // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Проза. М., 1977; Нагорный И.А. Семантика высказывания с модальным значением недостоверности // Творчество В.М.Ш.: Поэтика. Стил. Язык. Барнаул, 1994;

Папава Е.И. Приемы словесного выражения авторской оценочности в рассказе В.М.Ш. "Племянник главбуха" // Слово и текст. М., 1981; Проза В.М.Ш. как лингвокультурный феномен 60-70-х годов. Барнаул, 1997; Проничев В.П. Прагматический аспект функционирования именных оценочных конструкций в рассказах В.М.Ш. // Язык и стиль прозы В.М.Ш. Барнаул, 1991; Рассказ В.М.Ш. "Срезал": проблемы анализа, интерпретации, перевода. Барнаул, 1995; Чувакин А.А. Синтаксис художественной прозы В.М.Ш. в аспекте пушкинских традиций // Язык прозы В.М.Ш.: Теория. Наблюдения. Лексикографическое описание. Барнаул, 2001; Шакиржанова Р.Х. Живые голоса его героев (Разговорный синтаксис в прозе В.М.Ш.) // Русская речь. 1985. №5; Шкуропацкая М.Г. Синтаксический строй языка личности в рассказах В.М.Ш. // В.М.Ш. Жизнь и творчество. Барнаул, 1997. *Г.В.Кукуева, А.А.Чувакин*